

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.10.34>

Никитин Антон Павлович

ПРОБЛЕМА ВЗАИМОСВЯЗИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

В статье ставится и решается вопрос о характере взаимосвязи между фундаментальными аспектами социальной динамики: экономической и социокультурной модернизациями. Выделены два основных подхода к рассмотрению данной проблемы. В рамках первого экономическая и социокультурная модернизации являются составными элементами модернизационного процесса в целом. В рамках второго экономическая модернизация протекает в условиях социокультурной, и между ними возможны противоречия. Сравнивая эти подходы, автор на примере института денежного обращения показывает, в каком смысле экономическая модернизация может не соответствовать социокультурной.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/10/34.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 10. С. 174-178. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

4. **Зиновьев А. А.** Запад. М.: Центрполиграф, 2000. 509 с.
5. **Корнер В. Ф.** О карнализации как генезисе «двойного сознания» // Вопросы философии. 1991. № 1. С. 166-185.
6. **Мионов Б. Н.** Социальная история России периода Империи (XVIII – начало XX века): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2-х т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. Т. 2. 566 с.
7. **Мухамеджанова Н. М.** Роль культуры в процессе демократизации общества // Общество, экономика, культура: перспективы научных исследований в информационную эпоху: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. Белгород: АПНИ, 2019. С. 11-15.
8. **Мухамеджанова Н. М.** Социальная имитация как механизм модернизации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 4 (66). Ч. 2. С. 117-120.
9. **Ожегов С. И.** Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. Изд-е 18-е, стереотип. М.: Рус. яз., 1986. 797 с.
10. **Панкратова Е. В., Шмигирилова Л. Н.** Имитации как технология манипулирования массовым молодежным сознанием // Научные ведомости. Серия «Философия. Социология. Право». 2012. № 20 (139). Вып. 22. С. 93-103.
11. **Пантин В. И., Лапкин В. В.** Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века. Дубна: Феникс+, 2006. 448 с.
12. **Фимин А. Ю.** Социально-философский анализ виртуальной реальности: автореф. дисс. ... к. филос. н. Волгоград, 2007. 19 с.
13. **Фурман Д. Е.** Проблема 2008: общее и особенное в процессах перехода постсоветских государств [Электронный ресурс]. URL: <https://polit.ru/article/2007/10/19/furman/> (дата обращения: 29.04.2019).
14. **Шалюгина Т. А.** Имитация в современном российском обществе: сущность, субъекты воздействия, социальное пространство проявления: дисс. ... д. филос. н. Ростов-на-Дону, 2011. 333 с.

SOCIAL IMITATION: ESSENCE AND PREREQUISITES OF ORIGIN

Mukhamedzhanova Nuriya Mansurovna, Doctor in Culturology, Associate Professor
Orenburg State University
nuriyam@yandex.ru

Relying on a critical analysis of social imitation conceptions, the article justifies the role of culture in the development of imitational phenomena, in particular, the phenomenon of imitational democracy. The author argues that asserting stable democracy in the society requires a sufficient basis, both material and spiritual. Introducing democratic institutions in the society lacking such a basis leads to destabilization of social life, revival of authoritarian tendencies and propagation of imitational phenomena and practices.

Key words and phrases: culture; social imitation; simulacrum; authenticity; manipulation; democratic institutions; resourcing; imitational democracy.

УДК 141

Дата поступления рукописи: 22.07.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.10.34>

В статье ставится и решается вопрос о характере взаимосвязи между фундаментальными аспектами социальной динамики: экономической и социокультурной модернизациями. Выделены два основных подхода к рассмотрению данной проблемы. В рамках первого экономическая и социокультурная модернизация являются составными элементами модернизационного процесса в целом. В рамках второго экономическая модернизация протекает в условиях социокультурной, и между ними возможны противоречия. Сравнивая эти подходы, автор на примере института денежного обращения показывает, в каком смысле экономическая модернизация может не соответствовать социокультурной.

Ключевые слова и фразы: модернизация; экономическая модернизация; социокультурная модернизация; традиция; рациональность; деньги.

Никитин Антон Павлович, к. филос. н.

Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова, г. Абакан
nikitinanton5891@gmail.com

ПРОБЛЕМА ВЗАИМОСВЯЗИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ, проект № МК-1519.2019.6.

Актуальность исследования структурных отношений между экономической и социокультурной модернизациями определяется соображениями как теоретического, так и практического порядка. С одной стороны, построение самой модели модернизации как некоторого абстрактного процесса предполагает описание всех типологических изменений, присущих ему. Решение вопроса о том, как содержательно связаны эти изменения, раскрывает определенные закономерности внутри модернизационного процесса. С другой стороны, концепции модернизации имеют непосредственную **практическую значимость**, поскольку показывают реальные и возможные ограничения, накладываемые экономическим развитием на социокультурную сферу, и наоборот, накладываемые социокультурной средой на экономическое развитие.

Целью статьи как раз и является раскрытие связей и противоречий между экономическим и социокультурным аспектами модернизации, при этом данные противоречия будут раскрываться на конкретном примере – функционировании института денежного обращения. Такая конкретизация позволит не только систематизировать имеющиеся подходы, но и показать, как они могут использоваться при описании реальных социальных практик, в нашем случае – при описании отношения к деньгам в повседневной культуре и его столкновения с рациональностью денежного обмена, что составляет **научную новизну** исследования.

Результаты исследования. Проблему взаимосвязи экономической и социокультурной модернизации можно рассматривать в двух аспектах, последовательно связанных друг с другом. Во-первых, проблемным является само выделение экономической и социокультурной сторон модернизации. При устоявшейся терминологической традиции, которая позволяет оперировать понятиями «экономическая модернизация» и «социокультурная модернизация» как самостоятельными категориями, существует теоретический вопрос о том, являются ли эти понятия обозначением частей одного целого под названием «модернизация» или обозначением разновидностей социальных изменений.

Второй аспект заключается в определении детерминирующей или факторной силы, то есть в понимании того, какая модернизация в большей степени воздействует на другую. Содержание этой проблемы зависит от ответа на первый вопрос. Если экономическая и социокультурная модернизации рассматриваются как части одного модернизационного процесса, то необходимо прояснить их структурную взаимосвязь, к примеру, можно утверждать, что они аналогичны движению обеих ног во время бега. Если экономическая и социокультурная модернизации рассматриваются как два различных вида социальных трансформаций, то следует обозначить, какие последствия одной модернизации важны для другой.

Решение обоих аспектов проблемы невозможно реализовать без ясных дефиниций, но, как часто бывает в социально-гуманитарных науках, понятия экономической и социокультурной модернизации используются с таким большим количеством смыслов и значений, что их простой обзор стал бы делом отдельного исследования. В отношении экономической модернизации обобщим эти смыслы в следующем виде: 1) эта модернизация предусматривает преобразования в экономической структуре, государственных и рыночных институтах, непосредственно влияющих на управление экономикой и саму экономику, с целью перехода на инновационную траекторию развития; 2) эта модернизация предполагает отказ от традиционных способов ведения хозяйства и переход к рациональным способам за счет роста дифференциации и производительности труда. Ключевым моментом является то, что экономическая модернизация основывается на внедрении рациональных практик (как, например, фордизм, принципы работы Макдональдса и т.д.).

Понятие социокультурной модернизации чаще всего осмысливают сквозь призму анализа изменений «в умах» людей, то есть в их представлениях относительно доминирующих ценностей, норм и жизненных установок. Достаточно строгое определение социокультурной модернизации дано Н. Е. Тихоновой – это «формирование новых нормативно-ценностных систем и смыслов, поведенческих паттернов, а также рационального типа мышления и внутреннего локус-контроля, что и создает базу для формирования и успешного функционирования новых социальных институтов» [8, с. 25].

В данном определении акцент делается на мировоззренческом фундаменте создания инновационных социальных структур. Стоит при этом отметить, что противопоставление экономических и политических институтов, с одной стороны, и духовной жизни общества, с другой – является устойчивым компонентом социальной мысли в России. Есть классические примеры, иллюстрирующие трудности процесса социокультурной модернизации. Пример первый: если население страны в течение длительного времени практикует патерналистские и коллективистские установки, то в таком обществе будет трудно сформировать частнособственнические инициативы и предпринимательскую активность. Социокультурная модернизация в этом случае подразумевает изменение отношения населения к взаимодействию с государством и своей экономической роли. Пример второй: если для большей части населения труд и собственность являются этическими категориями, то для него юридически закрепленные права собственности будут относительно несущественны. Социокультурная модернизация предполагает формирование абстрактно-правового отношения к труду и собственности.

В классических теориях модернизации (М. Леви, Э. Хаген, Д. Эптер и др.) экономическая модернизация и социокультурная модернизация выступают элементами одного движения. Утверждается, что переход от традиции к модерну является комплексным во всех отношениях: в экономике, политике, технологиях, семейных отношениях, духовной жизни, культуре и т.д. Даже такие сугубо экономические концепции, как теория стадий роста У. Ростоу [10], говорят и о том, как изменяются политика, социальная структура и духовная жизнь в процессе «роста».

В таком подходе возникают эмпирические искажения, которые стали предметом анализа неомодернистских концепций (З. Бауман, С. Хантингтон, Дж. Гасфилд и др.). В первоначальном варианте теории модернизации предполагалось, что индустриализация экономики сопровождается аналогичным переходом во всех других областях общественной жизни. К примеру, если человек живет в городе и трудится на заводе, он уже не будет реализовывать патриархальные практики у себя в семье. С утверждением ценностей общества модерна традиционные жизненные установки должны уйти в прошлое. Однако, как показали повседневные наблюдения и конкретные исследования социологов, архаика никуда не исчезла даже в самых современных обществах, а даже наоборот, реактивно стала возрождаться в новых, порой причудливых формах. Более того, традиционалистская реакция стала угрожать самому процессу модернизации.

При этом, решая второй аспект проблемы, представители теории модернизации склонялись к мнению, что главенствующим фактором в движении к прогрессу является развитие технологий, рост производства,

потребления и т.д. Все остальные стороны общественной жизни не рассматривались ими в духе марксизма как надстройка, но все же явно уступали по значимости. В этом отношении хорошей иллюстрацией служит модернистский анализ эволюции семьи. Утверждается, что большая патриархальная семья существовала в традиционном обществе в связи с тем, что для жизни в нем требовались трудовые усилия большого количества сплоченных между собой людей. В современных обществах процветает нуклеарная семья с небольшим количеством детей, поскольку в индустриальную эпоху рабочему нужна не помощь отпрысков на производстве, а деньги. Стоит добавить, что в постиндустриальном обществе атомизация семейных отношений усиливается еще больше.

Можно отметить некоторые из индикаторов, в которых с позиции первого подхода отражается соотношение экономической и социокультурной модернизаций [4]:

1. В обществе модерна центральное место занимают экономические приоритеты, главное – это приращение прибыли, финансовая эффективность, экономический рост и т.п. Подчиненное положение экономики к духовной сфере жизни общества уходит в прошлое, наоборот, все области последней начинают подчиняться интересам первой.

2. Формируется новое отношение к общественному прогрессу, появляется культ инноваций. Прогресс становится самоцелью, его содержание отходит на второй план по отношению к самой инновационной форме, самовоспроизводящей свое существование.

3. Изменяется роль труда и его понимания в общественном сознании. В эпоху модерна – это не способ трансцендирования, самореализации, а только одно из легальных средств зарабатывания денег и построения своей карьеры.

4. Поскольку экономические взаимодействия – это, в первую очередь, рациональные взаимодействия (требующие расчета), то непосредственные эмоциональные отношения между людьми заменяются отношениями, имеющими функционально-ролевой характер; в социальных интеракциях преобладают ценностно-рациональные и целерациональные действия.

5. В процессе экономической модернизации происходит экспансия формальных норм, неформальные нормы занимают второстепенное положение (эффект несомещения бизнеса и морали). Соответственно этой тенденции изменяются взгляды на свободу человека: ее традиционные ограничения, вызванные мировоззренческими, этническими, культурными контекстами, перестают работать. Происходит увеличение степеней свободы, когда она воспринимается только в пространстве правовых отношений.

В противоположность первому подходу, во втором экономическая и социокультурная модернизации рассматриваются не как элементы универсального движения к обществу модерна, а как процессы, между которыми существуют разрывы и противоречия, вариативные в социальном пространстве. Кроме того, постулируется, что ход экономической модернизации зависит от хода социокультурной, то есть от институциональных и культурных условий, в которых функционирует экономика. Самым известным представителем такого подхода в экономической теории является Д. Норт. По его мнению, экономика формируется в среде, которую вообще трудно каким-то образом ощутить, поскольку она по своей природе символична. Этой средой являются институты, которые «невозможно увидеть, почувствовать, пощупать и даже измерить. Институты – это конструкции, созданные человеческим сознанием» [6, с. 137]. Само человеческое сознание нельзя рассматривать как производное от экономической деятельности, в первую очередь оно пребывает в культуре как символической реальности.

Более детально данный подход представлен в работах А. Аузана: «Есть такие экономические явления, которые нельзя объяснить, не привлекая к этому культуру, – вот что я утверждаю» [1, с. 4]. Культура влияет на отношение к серийному производству, она связана с институтами прошлого и формирует определенную «колею» развития, культура – это экономический фактор, который возможно измерить, она может быть катализатором и тормозом экономического развития, создает особый вид капитала. В целом у экономической модернизации есть своя социокультурная формула [2], в которую включается учет особенностей неформальных правил конкретной страны и конкурентных преимуществ, основанных на специфике ее социального и культурного капитала и нормативных структур.

Чтобы конкретизировать, в чем могут заключаться разрывы между экономической и социокультурной модернизацией, обратимся к примеру с функционированием института денег и отношением к деньгам соответственно. Институт денежного обращения на современном этапе своего развития представляет собой существование знаков, представленных лингвистическими средствами [5]. С рациональной точки зрения люди не должны думать о деньгах как о непосредственных предметах, обладающих материальной ценностью, а должны рассматривать их как функциональные знаки, облегчающие экономическую жизнь. Как уже было отмечено, в обществе модерна преобладают ценностно-рациональные и целерациональные действия, и именно в ракурсе рациональности деньги выглядят как инструментальное средство. Они беспредметны, обезличены, абстрактны, это просто мыслимые числа, выполняющие экономические функции, наподобие чисел, которые используются в системе образования (оценки, баллы ЕГЭ и т.п.).

В этих условиях отношение к деньгам в социокультурной среде не должно демонстрировать каких-либо чувственно-эмоциональных, сакральных, ассоциативных связей. Это не отрицает того факта, что человек, имеющий в своем распоряжении миллион денежных единиц, и человек, имеющий в своем распоряжении тысячу денежных единиц, ощущают себя в мире по-разному. Это отрицает необходимость видеть в миллионе денежных единиц нечто большее, чем просто сумму денег, чем экономический инструмент.

Однако многочисленные социологические и антропологические исследования показывают совершенно противоположную картину, в которой люди наделяют деньги огромным количеством дополнительных

смыслов, отражающих традиционные представления о них. Эти представления характеризуются в первую очередь дифференцированностью, на что обратил внимание К. Поланьи [7]. Как он отмечает, отличие архаичных денег от современных заключается в том, что последние демонстрируют яркое сходство с языком и с письменностью, у них есть «единая грамматика» и одна семантика, в то время как «архаичное общество не знало денег, пригодных для “всех целей”». Здесь различные предметы могут быть по-разному использованы в качестве денег. Следовательно, не существует такой “грамматики”, которой должны были бы подчиняться все способы использования денег. Ни один вид предметов не “заслуживает” называться деньгами, скорее, термин относится к небольшой группе предметов, каждый из которой мог бы служить в качестве денег, но только одним – своим особым образом» [Там же, с. 127].

К. Поланьи указывает на еще одну особенность архаичных денег – их возникновение связано в первую очередь не с практикой обмена, а с практикой сакрального откупа. Первоначальное использование денег в качестве средства платежа не было связано с экономическими сделками. Платеж выступал наказанием за вину (штрафы и взыскания за уголовные преступления, а также налог-жертва), он полагался богам и их наместникам на земле. За такие деньги нельзя было купить товар, но можно было получить искупление. В дальнейшем на фоне экономического обмена эта первоначальная функция денег стерлась.

Современное отношение к деньгам сохранило как дифференцированность, так и сакральность. Дифференцированное отношение к деньгам подробно описывает В. Зелизер [3]. Во-первых, люди продолжают относиться к деньгам как к физическим предметам и физически их маркируют. Они разделяют деньги в пространстве: складывают в конверты, банки, копилки, книги, шкатулки и т.д. В общем, для большинства людей деньги – это то, что обладает вещественностью и протяженностью. Во-вторых, люди ограничивают использование денег по целевому принципу. К примеру, деньги, полученные в качестве подарка, идут на одни цели, зарплатные деньги – на другие, доход ребенка может быть потрачен только на его развлечения. Парадоксальность этой практики заключается в том, что речь может идти об одинаковых суммах, но все равно будет действовать запрет на то, чтобы взять подарочные деньги на цели, для которых предназначалась зарплата. В-третьих, деньги дифференцируются по источникам и конечным потребителям: заработок жены может идти на образование ребенка, а заработок мужа – на оплату кредита, карманные деньги идут только детям, деньги на булавки – только женщинам. Опираясь на эти и множество других ограничений в использовании денег, В. Зелизер делает важный вывод: «Представление об обществе, полностью превращенном в товарный рынок, – не более чем мираж» [Там же, с. 283].

Никуда не исчезла и сакральность денег. Как показывают Р. Белк и М. Валлендорф [9], люди в своем обращении с деньгами относятся к ним не обезличено, а наделяют их сакральным смыслом, причем как с божественным, так и с дьявольским оттенком. Помимо повседневных практик, это отражается в таких выражениях, как «всемогущий доллар» и «грязная прибыль». Отношение к деньгам отражает отношение к человеку во всей его полярности, аналогично тому, как люди могут относиться к национальной символике (поклоняться ей и ненавидеть). То есть деньги не существуют в обществе как рафинированный от дополнительных смыслов объект.

Выводы. Пример с деньгами – это только частный пример, показывающий, как между экономической и социокультурной модернизациями возникают глубокие противоречия, заключающиеся в том, что современным экономическим отношениям не всегда соответствуют рациональные смысловые установки. Более того, социокультурная модернизация, сталкиваясь с экономической, зачастую приводит не к формированию новых социальных смыслов, а к существованию традиционных смыслов в парадоксальном облике. Данные наблюдения свидетельствуют не о возрождении архаики в чистом виде, а о том, что она успешно подстраивается под современные условия жизни. С позиции теории модернизации мы имеем дело здесь с асинхронностью некоторых ее сторон, которая в конечном итоге должна быть нивелирована. С позиции институциональной и социокультурной экономики неформальные правила отношения к деньгам должны рассматриваться как существенный фактор, непосредственно влияющий на экономическую модернизацию в долгосрочной перспективе.

Список источников

1. Аузан А. Социокультурная экономика // Наука и инновации. 2017. № 2 (168). С. 4-10.
2. Аузан А., Келимбетов К. Социокультурная формула экономической модернизации // Вопросы экономики. 2012. № 5. С. 37-44.
3. Зелизер В. Социальное значение денег: деньги на булавки, чеки, пособия по бедности и другие денежные единицы. М.: Дом интеллектуал. кн.; Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. 284 с.
4. Никитин А. П. Понимание собственности в консервативном и либеральном мировоззрении: к проблеме выделения индикаторов социокультурной модернизации // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «Философия». 2010. Т. 8. № 4. С. 73-77.
5. Никитин А. П. Язык и деньги: семиотическая интерпретация института денег // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 7 (69). Ч. 1. С. 97-100.
6. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
7. Поланьи К. Семантика использования денег // «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее / под ред. Р. М. Нуреева. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. С. 125-137.
8. Тихонова Н. Е. Динамика социокультурной модернизации в России // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 1. С. 24-34.
9. Belk R. W., Wallendorf M. The sacred meanings of money // Journal of Economic Psychology. 1990. Vol. 11. P. 35-67.
10. Rostow W. W. Politics and the Stages of Growth. L.: Cambridge University Press, 1971. 410 p.

PROBLEM OF ECONOMIC AND SOCIOCULTURAL MODERNIZATIONS INTERRELATION

Nikitin Anton Pavlovich, Ph. D. in Philosophy
Katanov Khakass State University, Abakan
nikitinanton5891@gmail.com

The article considers the nature of interrelation of the fundamental aspects of social dynamics: economic and sociocultural modernizations. Two approaches to this problem are identified. According to the first one, economic and sociocultural modernizations are considered as integral elements of the modernization process as a whole. According to the second one, economic modernization occurs within the framework of sociocultural modernization, and contradictions between them are possible. The author compares these approaches and by the example of the money circulation process shows in what sense economic modernization may not correspond to sociocultural one.

Key words and phrases: modernization; economic modernization; sociocultural modernization; tradition; rationality; money.

УДК 1; 31; 314.7

Дата поступления рукописи: 25.07.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.10.35>

В статье рассматриваются особенности американской и канадской моделей интеграции мусульман-иммигрантов в западное общество с учетом современных миграционных потоков из исламских стран. Автор считает, что в отличие от США политика мультикультурализма, проводимая Канадой, позволяет сохранить культурное многообразие, терпимое отношение как к местным, так и привнесённым традициям. В целом мировой опыт и подходы к решению проблем иммигрантов подтверждают эффективность политики мультикультурализма в качестве стратегии этнической интеграции в ближайшем будущем.

Ключевые слова и фразы: мусульмане Северной Америки; иммиграция; мультикультурализм; адаптация; модели интеграции.

Нуриахметова Флюра Мубаракзяновна, к. филос. н., доцент
Казанский государственный энергетический университет
nuriahmetova_fm@kgeu.ru

МУСУЛЬМАНСКИЕ ОБЩИНЫ США И КАНАДЫ: СОВРЕМЕННЫЕ МИГРАЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ

Сегодня ни для кого не является откровением тот факт, что страны Северной Америки стоят на пороге системного социально-политического кризиса, который неминуемо будет связан с электоральными ожиданиями как в США, так и в Канаде. При этом разнополярность партийных предпочтений правящих партий в немалой степени будет определяться отношением к миграционной политике. Современная волна миграции с мусульманского Востока в Северную Америку осложнила ситуацию и связана с такими событиями, как «арабская весна», война в Сирии и возникновение протогосударств террористической направленности (например, «ИГИЛ» – организации, запрещенной в РФ). Последовавший за ними массовый исход беженцев из числа гражданского населения вновь **актуализировал** вопрос о проблемах мусульман-иммигрантов в западных странах, в частности в США и Канаде. Упорядоченность миграционного процесса является важным критерием развития этих стран, поэтому для его эффективного правового регулирования необходима всеобъемлющая реформа миграционной политики. Взаимобусловленность миграционных программ Северной Америки с целью рационального использования человеческого капитала является не только условием их экономического роста, но и показателем способности к бесконфликтному существованию полиэтнического общества этих стран.

В период глобализации международных экономических связей расширение товарооборота в рамках соглашения о свободной торговле между Канадой, США и Мексикой – НАФТА (North American Free Trade Agreement, NAFTA) [28; 32] – способствует взаимодействию людей разных национальностей, культур, религий в пределах не только данного географического региона, но и в целом американского континента. Вместе с тем рост экономики стран тихоокеанского региона, арабских стран предопределил необходимость межкультурного диалога Запада и Востока. Развитие межконтинентальных средств коммуникации и доступ к новым информационным инструментам приводят к интенсивному соприкосновению людей разных взглядов и вероисповеданий, в частности христианства и ислама, что создает принципиально иные возможности для трансформации ислама и предопределяет известные вызовы христианству. Тем самым **научная новизна** данного исследования заключается в попытке пересмотра некоторых аспектов западноевропейской модели интеграции и определения современных миграционных стратегий, основанных на современном восприятии ислама и мусульман, преодолении исламофобии, а также широкой модернизации ислама с учетом его креативности и требований современности.

Согласно данным американского исследовательского центра Пью (Pew Research Center) 2017 года, в мире насчитывается около 1,6 млрд мусульман, что в целом составляет более чем одну пятую часть всего населения